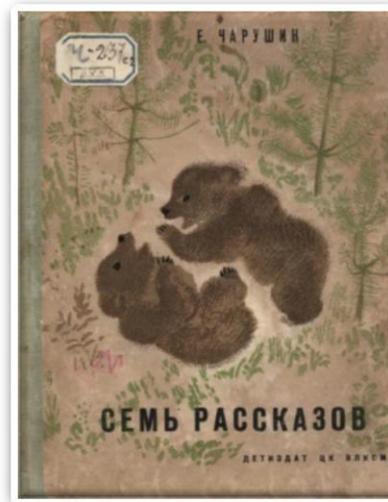

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Зональная научная библиотека имени В. А. Артисевич

представляют виртуальную выставку-обзор

Детская книга 1930-х годов из фонда ЗНБ СГУ
К 120-летию со дня рождения книжного графика и писателя
Евгения Ивановича Чарушина
(1901 – 1965)

Саратов
2021

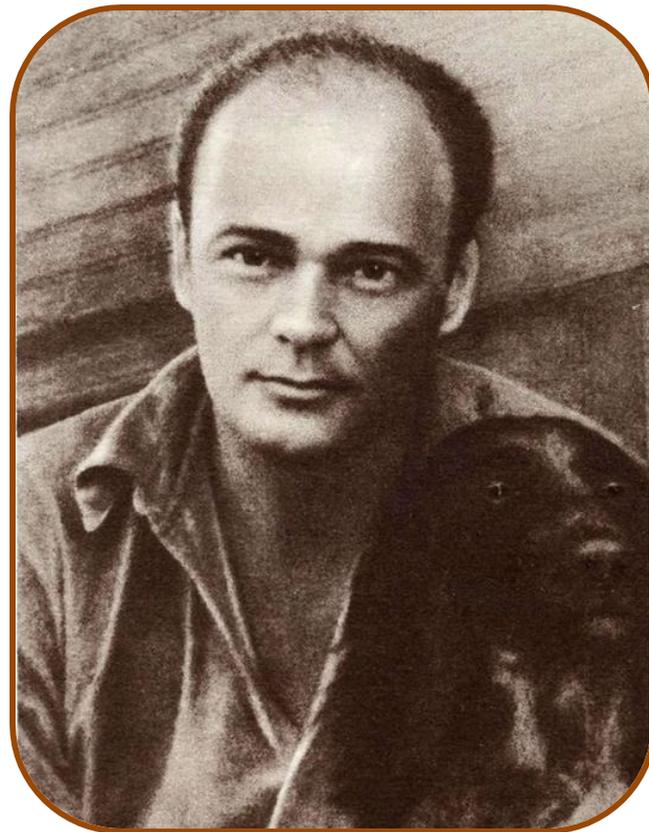
Евгений Иванович Чарушин родился в 1901 году в Вятке. Первоначальную художественную подготовку он получил на родине под руководством местных художников, а в 1922 году переехал в Петроград и поступил в Высшие государственные свободные художественные мастерские, организованные на базе Академии художеств и позднее переименованные в Высший художественно-технический институт.

Атмосфера, господствовавшая в то время в высшей художественной школе, не благоприятствовала развитию дарования Чарушина. После окончания института он приступил к работе в детском отделе Ленгосиздата и только здесь, под руководством В. В. Лебедева, прошёл настоящую школу профессионального мастерства.

Тема, которую начал разрабатывать Чарушин, была для него, разумеется, отнюдь не случайной. Он всегда страстно любил природу и животных. «Я приучился с детства понимать животных и птиц, – рассказывает сам художник в своих автобиографических заметках. – Всё моё детство прошло в лесу, в саду, в поле и огороде, среди диких зверей и домашних животных... и волки за нами гнались, и выезжали мы на токовище тетеревов, и глухарей вспугивали с вершин сосен... И восход солнца, и туманы утренние, и как лес просыпается, птицы запевают, как колёса хрустят по белому мху, как полозья свистят на морозе – всё это я с детства полюбил и пережил.

Моя мама научила меня с какой-то другой стороны смотреть и удивляться силе и красоте природы и всему её разнообразию и великолепию. И мы вместе с ней поражались, глядя, как из земли, из проталины вылезает маленький, ещё неизвестный росток. <... >

Я очень благодарен моим родным за моё детство, потому что все впечатления его остались для меня и сейчас наиболее сильными, интересными и замечательными. И если я сейчас художник и писатель, то только благодаря моему детству».

Е. И. Чарушин. 1936

Е. И. Чарушин за работой

Чарушин принёс в книжную графику большой душевный и жизненный опыт, сложившийся в итоге длительного и любовного изучения природы. Он обладал безукоризненным знанием жизни, облика и повадок зверей и птиц и неустанно расширял и углублял свои знания, наблюдая, исследуя и рисуя с натуры. Но в его обширных познаниях не было ничего педантичного – они согреты подлинной любовью и напряжённым поэтическим чувством. Именно потому, что Чарушин так много знал, он мог позволить себе не копировать натуру, а лишь вдохновляться ею, синтезируя свои наблюдения и придавая изображению заострённую художественную выразительность.

Уже в ранних работах отчётливо определились основные признаки своеобразного стиля Чарушина. Художник разрабатывал приёмы живописного рисунка, где главным средством творческого выражения становится не линия контура, а цветное или чёрное пятно, характеризующее силуэт и объём изображаемой натуры. Форма развёртывается на плоскости, лишённой каких-либо мотивов иллюзорной глубины. Колорит построен на выверенных тональных градациях немногих, обычно трёх-четырёх красок, сопоставленных с изоощрённым декоративным чутьём. Язык изображения лаконичен – художник выбирает лишь наиболее типичные и выразительные особенности облика зверя.

Охотнее и чаще всего Чарушин изображал не зверей, а зверят, не птиц, а птенцов – звериных и птичьих малышей. Ни один из современных художников не передавал с таким тонким юмором и поэтическим увлечением прелесть и очарование детства животных, трогательную ребяческую неуклюжесть и забавную диспропорциональность медвежонка, зайчонка или тигрёнка. Творческая фантазия художника и его зрительная память были поистине неистощимы в изображении характеров, поз и движений маленьких зверей. Чарушин не очеловечивал своих героев. Черты антропоморфизма редко встречаются в его искусстве. Но вряд ли можно назвать другого анималиста, который сделал бы так много для того, чтобы животные стали привлекательны и понятны для человека.

«Больше всего, – признаётся и сам Евгений Иванович, – я люблю изображать молодых животных, трогательных в своей беспомощности и интересных потому, что в них угадывается уже взрослый зверь».

Е. И. Чарушин среди школьников. Середина 1930-х годов

Большую и разнообразную галерею портретов и живых образов зверей создал Евгений Иванович в своих книгах. В большинстве случаев это те маленькие и большие герои из мира природы, с которыми ребёнок сталкивается и знакомится дома, на дворе, в саду, в зоопарке <...>. Дети узнают об этих животных много интересного, нового для себя, получают самые первые и простые навыки наблюдений и ухода за ними. Рассказанные о них истории – смешные или грустные, героические или просто забавные, поучительные или удивительные – пробуждают у ребят первые глубокие гуманные эмоции: дружественное внимание, участие, нежность, привязанность, заботу о слабых, покровительство беззащитным, то, что в какой-то мере будет помогать формированию характера ребёнка в будущем уже на другом, более серьёзном жизненном материале.

Представленные на выставке пять книг Евгения Чарушина изданы в 1930-е годы. Почти все они несут на себе следы активного чтения, ведь для маленького ребёнка книга одновременно и игрушка. Издания, выходявшие в мягкой обложке, были в своё время заново переплетены, но продолжали выдаваться читателям. На многих из них имеется библиотечный штамп «На дом не выдавать», и возможно, благодаря этому строгому правилу мы имеем сейчас возможность познакомиться с книгами, изданными небольшими тиражами более 80 лет назад.

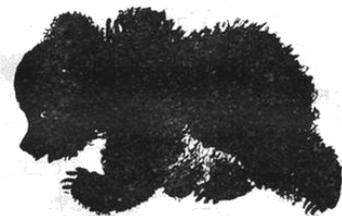
Эти книги интересны не только тем, что являются прижизненными изданиями художника и писателя Е. И. Чарушина. Рассматривая их, читатель познакомится с особенностями издательского дела в 1930-е годы (например, книги для маленьких, как правило, не имеют титульных листов, и большую часть страницы занимает рисунок), с оформлением детской книги: книги для маленьких большего формата и содержат красочные иллюстрации, для школьников – чёрно-белые (что способствует развитию абстрактного мышления и воображения), по мере взросления читателя текста становится больше, картинки – меньше по формату.

Интересно, что для переизданий художник дорабатывал рисунки (например, для рассказов «Медвежата», «Верный Трой»).

Изданные в 1935 году «Семь рассказов» тиражом 50 000 экземпляров стали так популярны, что второе издание вышло уже в 1936 году практически без изменений, но в твёрдом переплёте.

Книга «Удивительные звери» является небольшой, всего в 8 страниц, предтечей энциклопедических иллюстрированных изданий для детей.

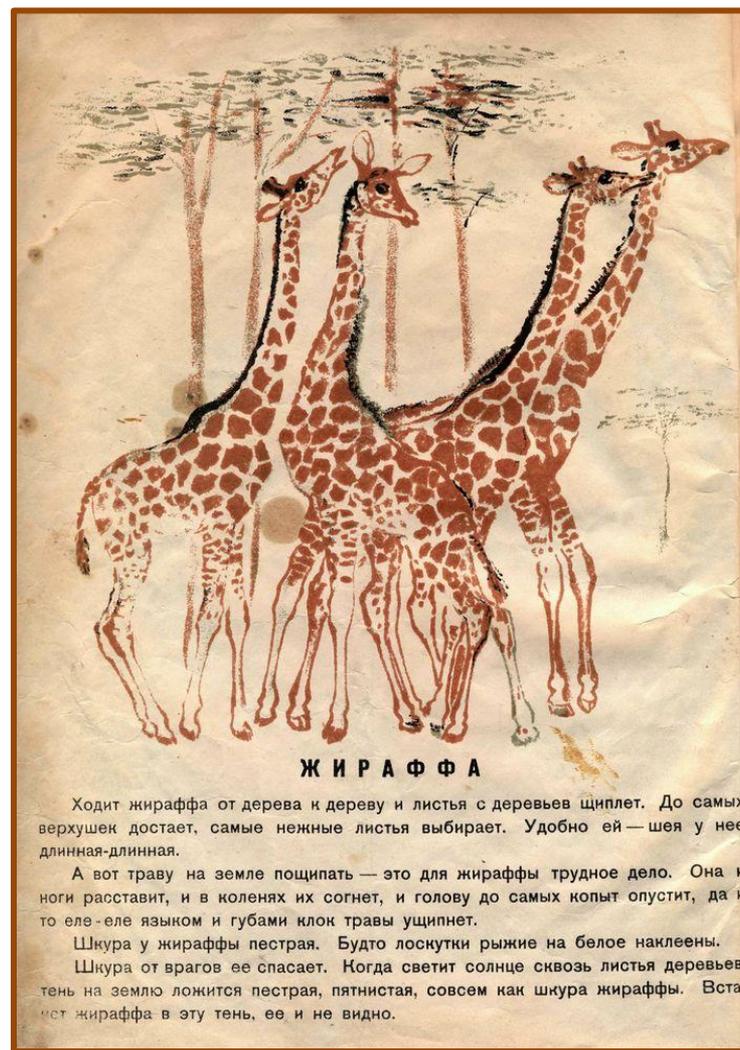
Из текстов рассказов взрослый читатель может узнать об особенностях быта 1930-х годов, филологам будут интересны детали орфографии и изменения авторского стиля Е. И. Чарушина.

197522

Чарушин, Е. Животные жарких стран / Е. Чарушин ; рисунки Е. Чарушина. – Ленинград : ОГИЗ ; ДЕТГИЗ, Ленинградское отделение, 1935. – [8] с. : рис. – Изображение. Текст : непосредственные.

ВЕРБЛЮД

В жарких, сыпучих песках живет верблюд. Ступни у него широкие — в песках не вязнут.

Ни травы в пустыне, ни деревьев, ни воды. Редко-редко где колодец людьми вырыт. Если собьешься с пути, не найдешь колодца во-время, — тут и конец. Много в пустыне костей лежит. И звериные это кости и человеческие.

Верблюд дольше всех голод и жажду может терпеть. На спине у него бобы, жиром налитые. Неделю может верблюд без еды и питья прожить — его прокормит.

Как автомобиль запасается в дальнюю дорогу бензином, так и верблюд в горбах копит.

Пока есть в автомобильном баке бензин, бежит автомобиль, катится. Кончился бензин, — значит стоп машина.

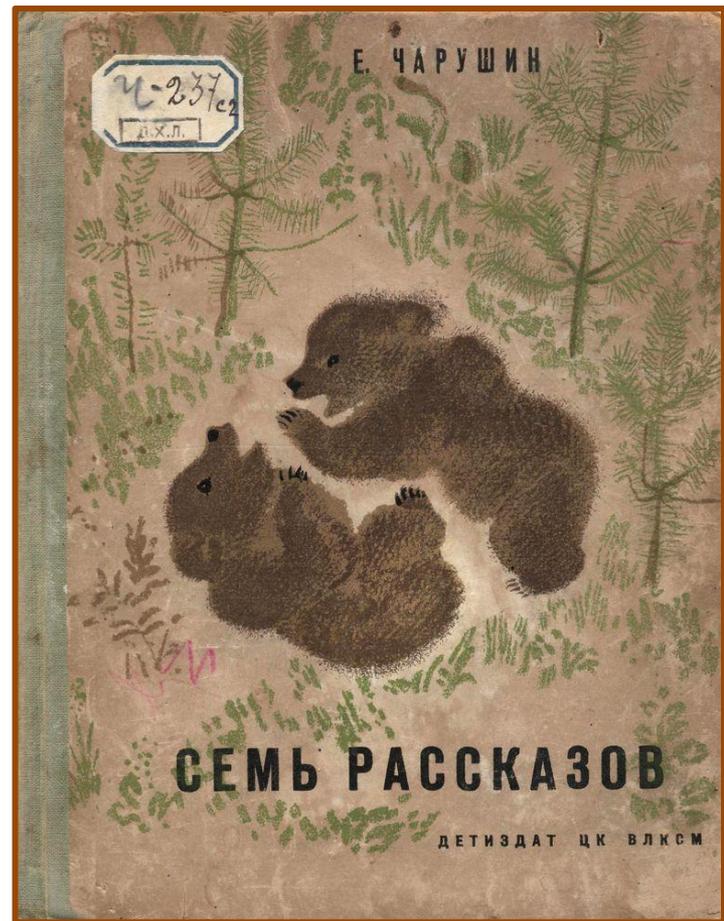
И у верблюда также, — кончится запас жира в голодовку, и горбы, как устые мешки, на бок свалятся. Ослабеет верблюд, еле на ногах держится. Значит, нужно ему новый запас жира наесть.

И тогда снова будет он по песку шагать — кладь носить.

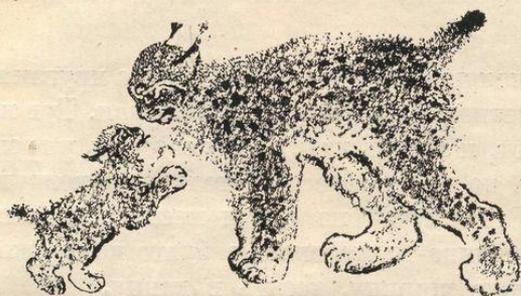
159464

Чарушин, Е. Семь рассказов / Е. Чарушин ; рисунки и обложка Е. Чарушина. — Ленинград : ОГИЗ — Государственное Издательство Детской Литературы, Ленинградское отделение, 1935. — 63, [1] с. : рис. — Изображение. Текст : непосредственные.

217077

Чарушин, Е. Семь рассказов / Е. Чарушин ; рисунки и обложка Е. Чарушина. — 2-е издание. — Москва ; Ленинград : ЦК ВЛКСМ : Издательство Детской Литературы, 1936. — 63, [1] с. : рис. — Изображение. Текст : непосредственные.

ЛЕСНОЙ КОТЕНОК

— Что? — спрашивает парень. — Патроны все стратил?

— Да нет, — говорю, — кажется, еще где-то пара есть. В валенок, наверное, завалились — из кармана дырявого.

— Ну, разувайся, — говорит, — доставай.

Сел я на снег, разуваюсь.

Так и есть — два патрона в голенище застряли.

Поглядел я на уток... Торчат они черными поплавками, покачиваются в полынье. Да ну их к лешему! Патронов последних жалко.

Лучше ворон поганых в лёт шибануть, чем на этих дьяволов тратиться.

А тут вдруг старичок к нам сзади подходит, старенький старичок — седая борода.

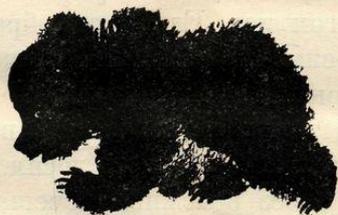
— Здравствуйте, — говорит, — молодые люди. Вижу я, — говорит, — дым над рекой. Испугался даже, уж не река ли, подумал, загорелась. А вы тут, оказывается, по уточкам чикаете. Очень интересно, как я поглядел. Дайте-ка старому разок стрельнуть.

Я ничего не сказал. Сунул ему ружье.

ЧЕТЫРЕ УТКИ

М Е Д В Е Ж А Т А

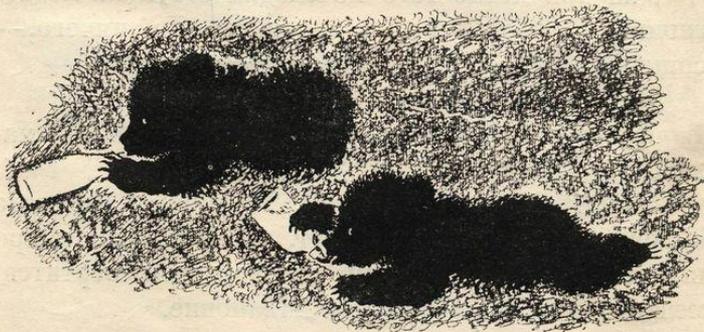
Принесли их в деревню Малые Сосны, к Прасковье Ивановне в избу. Ее-то муж как раз и убил медведицу.

Принесли медвежат в избу, сунули под лавку, на овчину, на старый тулуп. Там и стали они жить.

Прасковья Ивановна сама им соски сделала. Взяла две бутылки, теплого молочка налила и тряпочками заткнула.

Вот и лежат медвежата с бутылками. Спят, посасывают молоко, причмокивают и растут понемногу.

Сначала с тулупа не слезали, а потом и по избе стали ползать, ковылять, кататься — все по-дальше да по-дальше.

ВЕРНЫЙ ТРОЙ

А передними лапами бульдог по земле ступает — бежит и сам себя катит.

Морда курносая, морщинистая. Лапы толстые, широко расставленные. Выехал он из дверей, посмотрел сердито по сторонам. А тут рыжая кошка двор переходила. Как бросится за кошкой бульдог — только колеса подпрыгивают на камнях да ледяшках. Загнал кошку в подвальное окно, а сам ездит по двору — углы обнюхивает.

Тут я вытащил карандаш и записную книжку, уселся на ступеньке и давай его рисовать.

Вышел мой приятель с лыжами, увидел, что я собаку рисую, и говорит:

— Рисуй его, рисуй — это герой собачий. Он из-за храбрости своей калекой стал.

— Как так? — спрашиваю.

Погладил мой приятель бульдога по складкам на загривке, конфету ему в зубы дал, и говорит мне:

ТЕТЕРЕВ И ПЕТУХ

159464

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА
СЕВЕРНОГО

Тут-то в самый раз и стрелять косачей!

Вот слезу я с крыши, пошарю на кухне, нет ли чего-нибудь съедобного — хлеба, сухарей, картошки — хоть сырой, хоть вареной. Соли в бумажке захвачу, чайничек в темных сенцах нащупаю. Ружье за спину — и айда!

Пока не найду тетеревиную полянку, домой не вернусь.

Хорошо, мягко идти по весенней земле.

Мнут мои болотные сапоги сырую землю — как из губки воду выжимают, причавкивают. Иду и лесом, полем, лугом

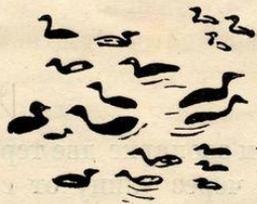
Да где же она, эта полянка моя? Куда заделалась? Ведь, с крыши-то я ее как на ладони видел. Поправей соснового бора, полевой длинного озера.

Вот и бор, вот и озеро, — а полянки нет.

Всё вблизи другим кажется, непохожим.

А лес всё темней да сырей. Свет полосами упирается в мох, в ягоды прошлогодние, в ландышевые поросли. Моховая кочка — вся в клюкве, как подушка в бисере. Рядом пень трухлявый, дряхлый,

ПТИЧЬЕ ОЗЕРО

Вот вышли на бережок, на солнышко, дивие, утки, привели своих утят погреться.

Дня три всего утятам. Пуховые и маленькие-маленькие. Кажется, их обратно в яичную скорлупу еще затолкать можно — уйдут без остатка. А что мать делает, то и они. И на боку, как настоящие утки, лежат, и клювом перья себе правят (а перьев у них еще нет — один пух), и ногами песок гребут, и крыльями машут, хоть и не крылья у них, а крылочки какие-то в пуху.

Вдруг плюхнулось что-то в воду. Брызги полетели. Утят как ветром сдуло. Один унырнул, другой в ямку забился.

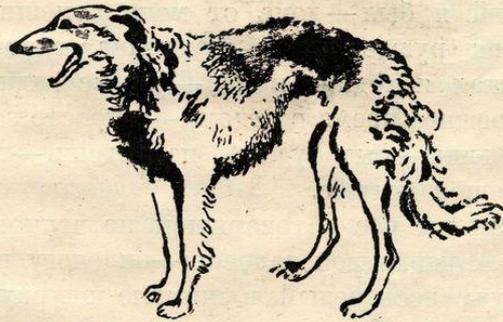
А это на воду сели кряковые утки. Те самые, что через забор улетели

Чего же это они вернулись? Я уж думал, что они давно в болоте за городом. Непонятное дело. Надо спросить кого-нибудь.

А тут рядом со мною какие-то люди — мужчина и женщина — стояли. Высматривали кого-то на озере.

ЧЕРНОТРОП

Парнишка руки развел—не пускает к собаке.
— Моя,—кричит,—ей-богу моя, я ее хлебом кормил, сам не ел, а ей давал! Она беспризорная была, ее буржуй на вокзале оставил!

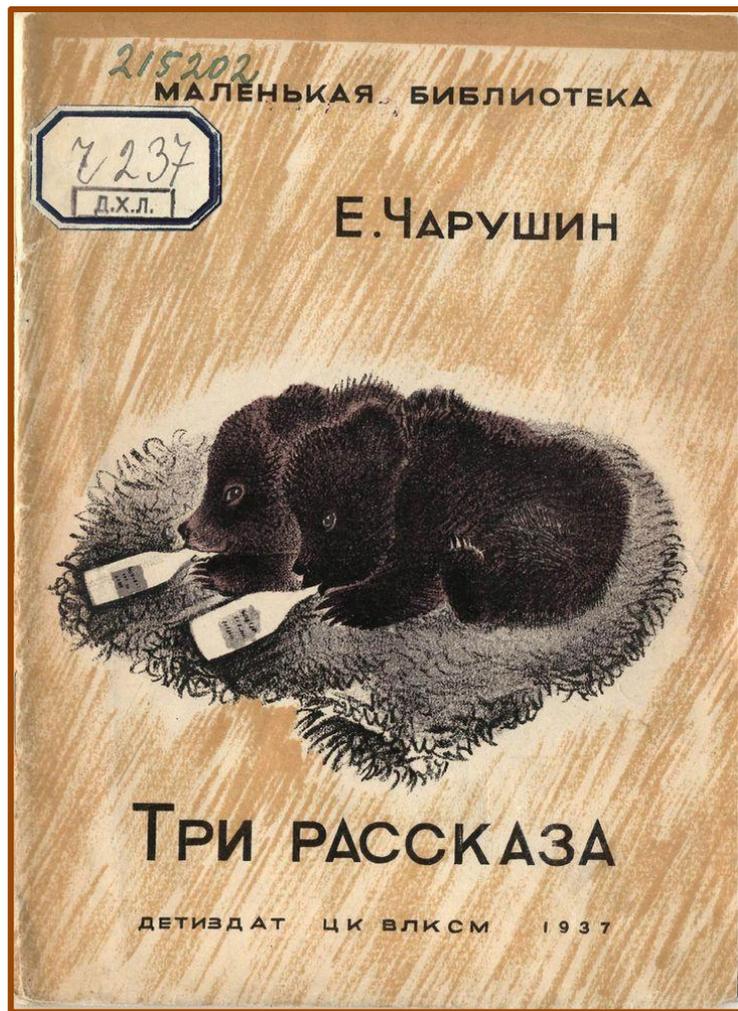
— Да что ты,—говорим мы ему.— Не возьмем мы твоей собаки. Не реви, отнимай поскорей у нее зайца. А то, ведь, слопает!

Покосился на нас парнишка. Видно, соображает,—правду ли мы говорим, или неправду. Видать, поверил.

Тут мы втроем на собаку налетели.

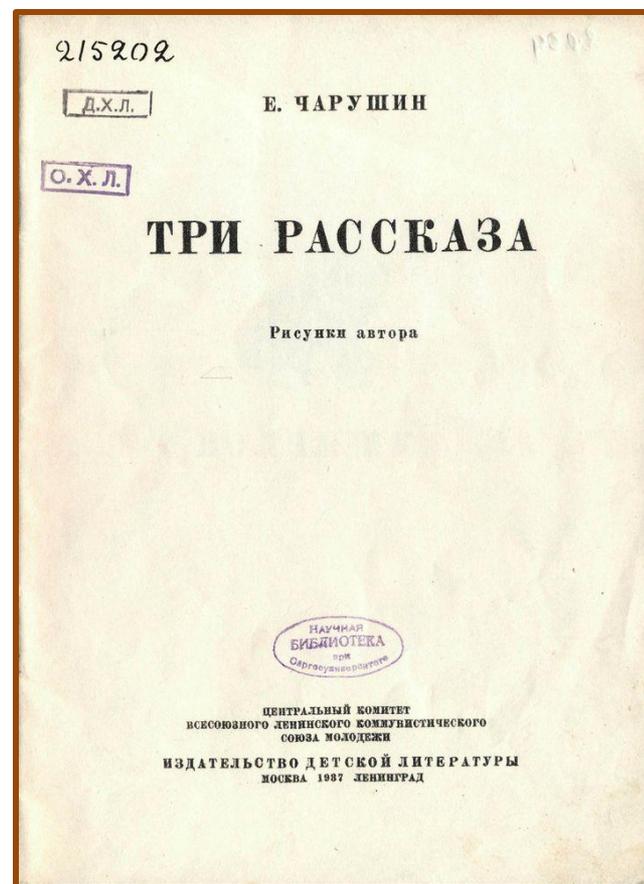
А она все еще лежит на зайце, мнет его, кости ему ломает. Мальчишка ее за шиворот, а я зайца из-под нее тяну. Тяжелый рюсак попался—кило на восемь.

215202

Чарушин, Е. Три рассказа / Е. Чарушин ;
рисунки Е. Чарушина. – Москва ; Ленинград :
Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского
Коммунистического Союза Молодёжи :
Издательство Детской Литературы, 1937. – 30, [2]
с. : рис. – (Маленькая библиотека). – Изображение.
Текст : непосредственные.

ВОЛЧИШКА

Жил в лесу волчишка с матерью.
Ушла мать на охоту.

Поймал волчишку человек, сунул в мешок и принес в город. Посреди комнаты мешок положил.

Долго не шевелился мешок. Потом забарахтался в нём волчишка и вылез. В одну сторону посмотрел — испугался: человек сидит, на него смотрит. В другую сторону посмотрел — чёрный кот фыркает, пыжится, еле стоит. А рядом пёс зубы скалит.

МЕДВЕЖАТА

Есть такая деревня, называется Малые Сосны. Малые не потому, что сосны в лесу невелики, а потому, что ближайшая деревня, что за восемь километров, зовется Большие Сосны. В отличие, значит, от той.

В самом непроходимом лесу эти Малые Сосны. Дремучий кругом лес. Ели мхом обросли, бородастые стоят. Сосны в самом небе ветви раскинули. Осинник в сырых местах, как часток, наставлен. И вся чаща в трухлявой валежине, в сырости. Не продерешься

ВЕРНЫЙ ТРОЙ

Сговорились мы с приятелем побегать на лыжах. Зашел я за ним утром. Он в большом доме живет на улице Пестеля.

Вошел я во двор. А он увидел меня из окна и машет рукой с четвертого этажа:

— Жди, мол, сейчас выйду.

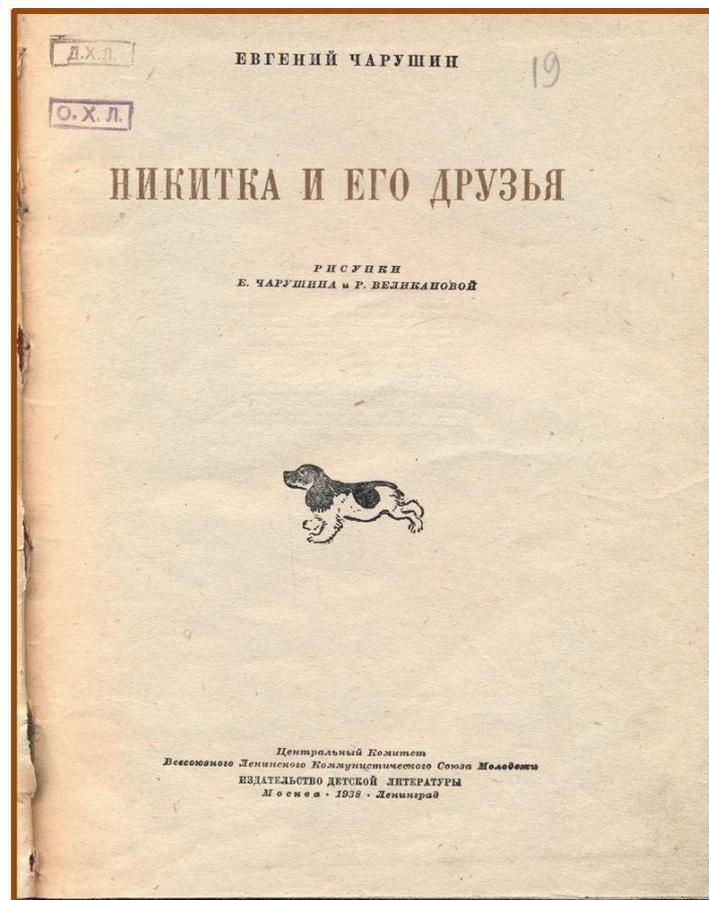
Вот я и жду на дворе, у двери. Вдруг сверху кто-то как загремит по лестнице.

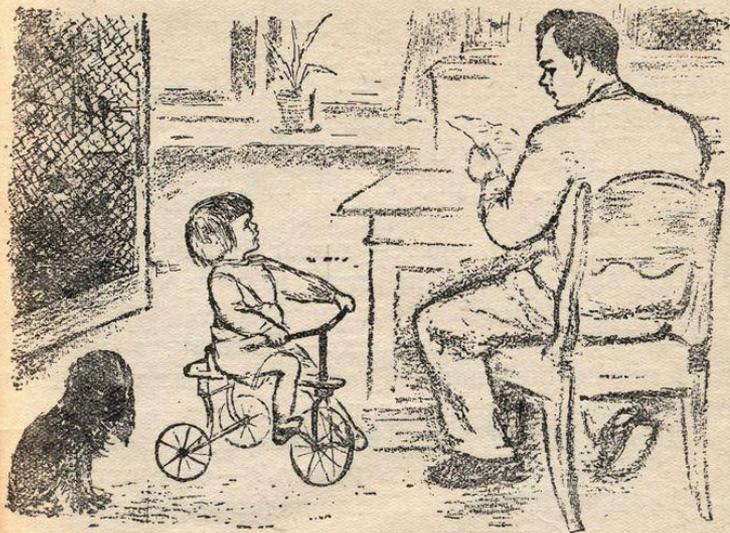
Стук! Гром! Тра-та-та-та-та-та-та!

265116

Чарушин, Е. Никитка и его друзья / Евгений Чарушин ; рисунки Е. Чарушина и Р. Великановой. – Москва ; Ленинград : Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи : Издательство Детской Литературы, 1938. – 50, [2] с. : рис. – Изображение. Текст : непосредственные.

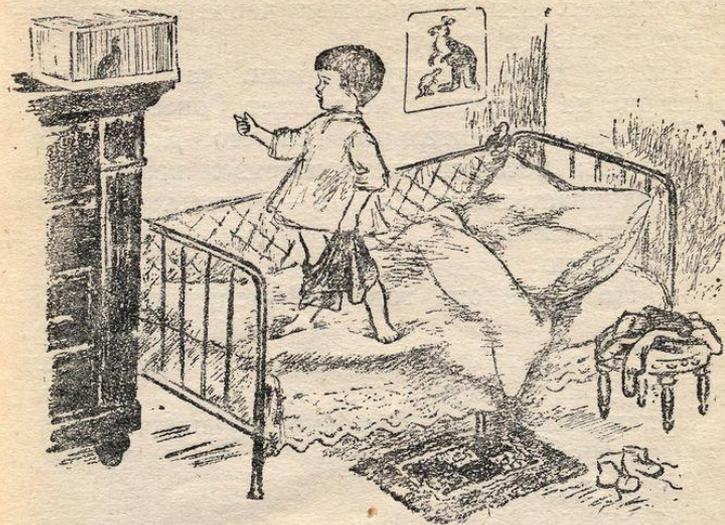
КАК НИКИТА МНЕ ПОМОГАЛ

Сажу я как-то за своим столом и думаю.

Вдруг подъезжает ко мне на велосипеде Никита. Подъехал, посмотрел на меня и спрашивает:

— Ты думаешь, папа? Да? А про что ты думаешь? Наверно, про что-нибудь интересное?

— Про интересное, — говорю. — Хочу написать книжку про нас с тобой — для ребят. О том, как мы живем-поживаем, как у нас кошка зайчат кормила, как Томка плавать научился, как он попу-

ПЕРЕПЕЛКА

У нас в клетке жила ручная перепелка. Такая маленькая дикая курочка. Вся коричневая, в светлых полосках. И на горле у нее нагрудничек из перышек, будто ребячий слюнявчик.

Перепелочка ходит по клетке и тихонько на-свистывает — вот так: Тюрр-тюрр! Тюрр-тюрр!

А то ляжет на бочок и кунается в песке, как настоящая курица, чистит перышки, крыльями

НИКИТА-ОХОТНИК

Есть у Никиты деревянный тигр, деревянная лошадь, крокодил резиновый и слон.

Слон из тряпок шит, а внутри у него вата.

А еще есть у Никиты веревочка.

Вот запрятал Никита своего тигра под кровать, крокодила — за комод, слона — под стол.

— Сидите там, — говорит. — Сейчас я на вас охотиться буду!

Потом взял Никита лошадку, провертел у нее в голове гвоздем дырку и вставил туда гвоздь. Получился настоящий носорог. Стал носорог жить под стулом.

А веревочка стала змеей. Тоже под стулом живет, пзвивается там.

— Начинается охота! — кричит Никита.

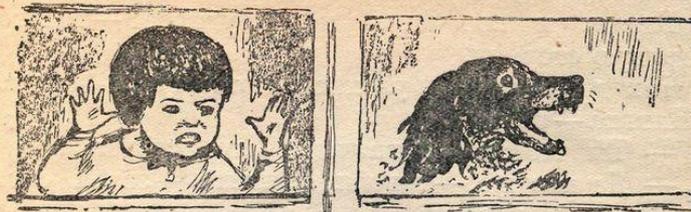
Зарядил он свое ружье, перекинул через плечо сетку, с которой на рынок ходят, и пополз.

Полз, полз и на тигра напоз.

А тигр как зарычит страшным голосом:

— Рррр-ррр-ры!

9

КОШКА

Стала чужая кошка пугать наших птиц — чижей, щеглов, канареек, снегирей. Пробретется по балкону к нашему окну, вспрыгнет на карниз и смотрит через стекло на птичек. А птицы беспокоятся и не поют.

Вот Никита и говорит Томке:

— Пойдем с тобой чужую кошку пугать.

А Томка:

— Гав-гав. — Значит, понимает, что такое „кошка“.

Подожли они вместе к окну и стали рядышком. А чужая кошка сидит за окном, с птиц глаз не сводит.

Замахал Никита руками, кричит:

— Пошла прочь!

А Томка заскулил, залаял, лапами по стеклу царапает. Смотрит на него кошка, а уходить не думает. Только лоб наморщила, уши прижала, зубы

14

ВОРОБЕЙ

Пошел Никита с папой гулять. Гулял он, гулял и вдруг слышит — кто-то чирикает:

— Чилик-чилик!

Чилик-чилик!

Чилик-чилик!

И видит Никита, что это маленький воробушек прыгает по дороге. Нахоженный такой, прямо как шарик катится. Хвостик у него коротенький, клюв желтый, и никуда он не улетает. Видно, еще не умеет.

— Смотри-ка, папа, — закричал Никита, — воробей не настоящий!

А папа говорит:

— Нет, это настоящий воробей, да только маленький. Это, наверно, птенчик выпал из своего гнезда.

Тут побежал Никита ловить воробья и поймал.

АЭРОПЛАНЧИКИ ЗА КРЫШАМИ

В нашей комнате три окна.

Посмотришь в одно — увидишь соседский балкон. Там по балкону гуляют собака с кошкой. Цезарь и Миська. А после обеда слетаются воробьи. Им соседи каждый день выставляют в плошке остатки обеда.

В другое окно посмотришь — увидишь улицу. По улице красные трамваи бегают, звонят, черные автомобили шныряют, голубые автобусы катятся, и народ ходит по тротуарам и через улицу.

А третье окно самое интересное. Там крыши, крыши и трубы.

Одна большая фабричная труба с густым дымом и тут же аэропланчики.

Аэропланчики совсем маленькие. Они летают

ПРО ЗАЙЧАТ

Однажды на даче ко мне прибежал Никита и кричит:

— Папа, продай кроликов! Папа, продай кроликов!

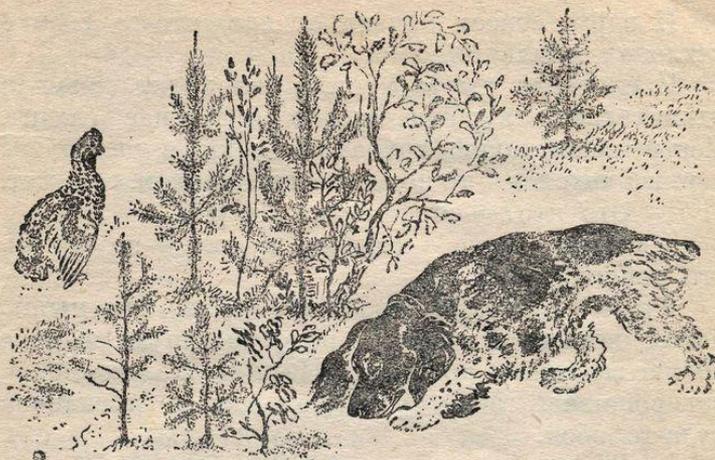
А я не понимаю, каких кроликов ему продать. И продавать я никого не собираюсь, и кроликов у меня нет.

— Да что ты, Никитушка, — говорю, — что с тобой?

А Никита прямо плачет. Продай да продай ему кроликов.

Тут пришла мама и все мне рассказала. Оказывается, деревенские ребята принесли с лугов двух зайчат, они их на сенокосе поймали. А Никита все перепутал. Надо было сказать: „Купи зайчат“, а он говорит: „Продай кроликов“.

Ну и славных зайчат мы купили! Эткие мохнатые шарики! Уши врозь, глаза коричневые, большие. А лапки мягкие-мягкие — будто зайчата в валеночках ходят.

РЯБЧОНОК

Я давно заметил в лесу одну полянку с рыжиками. Они там в траве рассыпаны, как желтенькие пуговки. Такие маленькие, что в горлышко бутылки пролезают. Их очень хорошо солить.

Взяли мы по корзинке — я большую, а Никита маленькую — и отправились в лес.

И Томка с нами побежал.

Мы еще и до полянки с рыжиками не дошли, как Томка закрутился, завертелся на одном месте около елки, — принохиваться стал.

ТОМКИНЫ СНЫ

Когда наш Томка спит, он лает во сне, повизгивает, а иной раз и лапы у него дергаются, будто он бежит куда-то.

Никита спрашивает у меня:

— Почему это Томка лает? Ведь он же спит.

— Он сны видит, — отвечаю.

— А какие?

— Да, наверно, какие-нибудь свои, собачьи сны, охотничьи — про разных зверей, про птиц.

— Вот интересно-то! — говорит Никита.

Подожел он к Томке ближе, присел на корточки и смотрит. А Томка спал, спал и вдруг залаял во сне тоненьким-тоненьким голоском.

ТОМКА И КОРОВА

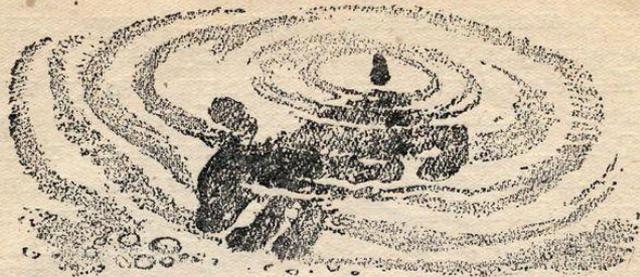
Когда Томка был совсем еще маленьким щенком, не больше кошки ростом, я взял его с собой на охоту. Пускай приучается.

Вот вышли мы на луга, Томка и стал носиться по траве. За бабочками, за стрекозами гоняется. Кузнечиков ловит. На птиц лает. Только никого поймать не может. Все улетают.

Бегал он, бегал, так устал, что сунулся в кочку носом да и заснул. Ведь маленький еще. А будить мне его жалко.

Прошло с полчаса. Прилетел здоровенный шмель. Гудит, летает над самым Томкиным ухом.

Проснулся Томка. Покрутился спросонья, поглядел: кто такой гудит? Шмеля он не заметил, а

КАК ТОМКА НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Мы пошли гулять и взяли с собой Томку.

Сунули его в портфель, чтобы он не уставал.

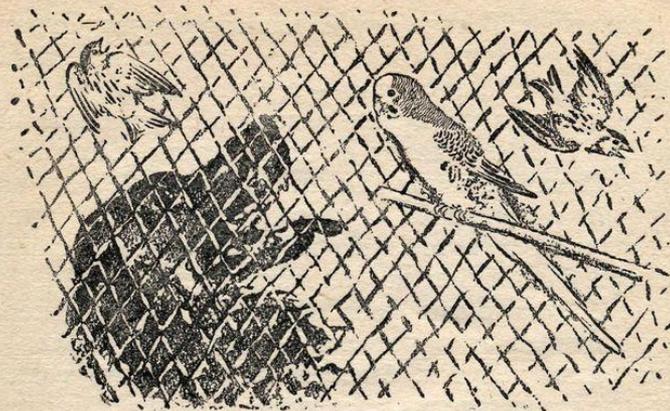
Пришли к озеру, сели на берегу и стали кидать камушки в воду, — кто дальше бросит. А портфель с Томкой на траву положили.

Вот он вылез из портфеля, увидал, как камушек плюхнулся в воду, и побежал его доставать.

Бежит Томка по песочку, косолапый, толстопузый, ноги у него в песке так и заплетаются. Дошел до воды, сунул лапы в воду и на нас оглядывается.

— Иди, Томка, иди, — кричим, — доставай скорее!

Полез Томка в воду. Сначала по пузо зашел, потом по шею, а потом и весь окунулся. Только хвост-обрубочек торчит наружу. Повозился, повозился да вдруг как выскочит и давай кашлять,

ВОТ ТАК ПТИЦА ПОПУГАЙ!

У меня есть большая клетка. В ней живет много птиц: жаворонок, соловей, желтые канарейки, зеленые канарейки, маленькая гурочка-перепелочка, которая кричит по вечерам: „Спать пора, спать пора“, и египетская голубка, которая воркует: „Гур-гуррру-у, гур-гуррру-у“.

Раньше жила в этой клетке и уточка-чирок, да очень уж она брызгалась и любила у всех перья из хвоста выдергивать. Пришлось ее выпустить на волю.

Мы с Никитой очень любим сидеть перед клеткой и смотреть, как наши птицы купаются в воде или в песке, как едят, как дерутся. Томка тоже

ЧЕРВЯКИ

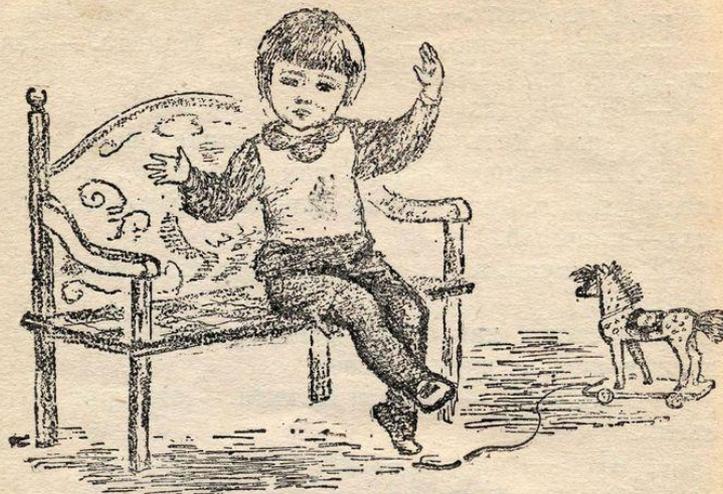
Жила у нас в клетке синичка.

А синички едят червяков. Вот мы и покупали для нее в зоомагазине мучных червяков, которые в гнилой муке заводятся. Они такие жирные, толстые, желтые с коричневыми головками.

— Папа, — говорит как-то Никита, — сделай-ка червякам домик. Там родятся у них маленькие-маленькие червячата. Червячата будут в домике жить и в окна выглядывать. Вот интересно-то!

Ну я и склеил бумажный домик, совсем крошечный, меньше спичечной коробки. С окнами, с дверями, с трубой на крыше. Трубу мы сделали из окурка папиросы, а к трубе приклеили дым из ваты. Хороший дом получился.

Поставили мы его в стеклянную банку из-под варенья и бросили в банку пару самых жирных чер-

СКАЗКА, КОТОРУЮ НИКИТА САМ РАССКАЗАЛ

— Вот я поймал лягушку, посадил ее в банку. Я ее кормил, кормил, кормил...

Кормил червяками, выкормил большую-пребольшую. А потом сделал ей дом с печкой, чтобы из трубы шел дым.

Вот прихожу утром кормить лягушку, а лягушка превратилась в пожарный автомобиль.

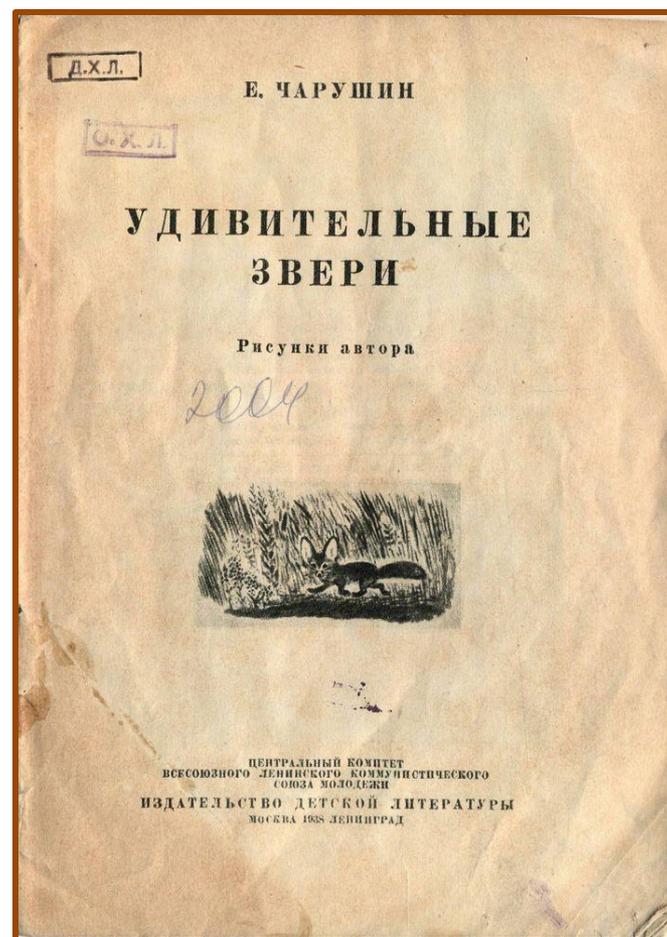
Вот я его кормил, кормил, кормил...

— А чем?

234912

Чарушин, Е. Удивительные звери / Е. Чарушин ;
рисунки Е. Чарушина. – Москва ; Ленинград :
Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского
Коммунистического Союза Молодёжи : Издательство
Детской Литературы, 1938. – 15, [1] с. : рис. –
(Маленькая библиотека). – Изображение. Текст : непо-
средственные.

Орангутаны — похожи с виду на человека, только шкура у них звериная, а ноги — как руки.

Гиббон — раскачивается на своих длинных руках и перелетает с дерева на дерево, как птица.

8

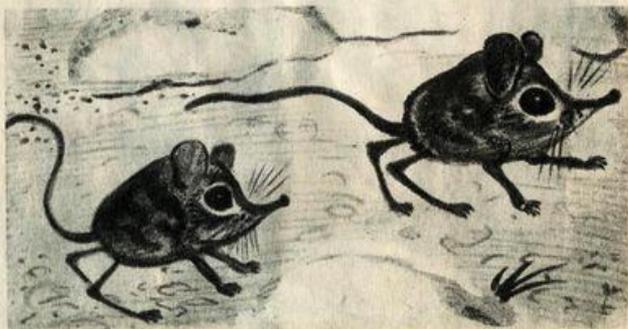
Бегемот. — По земле бегемот еле ходит: такой он толстый и тяжелый. Зато в воде — другое дело: ему там и легко и ловко.

Летучая лиса — ест она плоды с деревьев, а спит вниз головой: зацепится ногой за ветку и висит так.

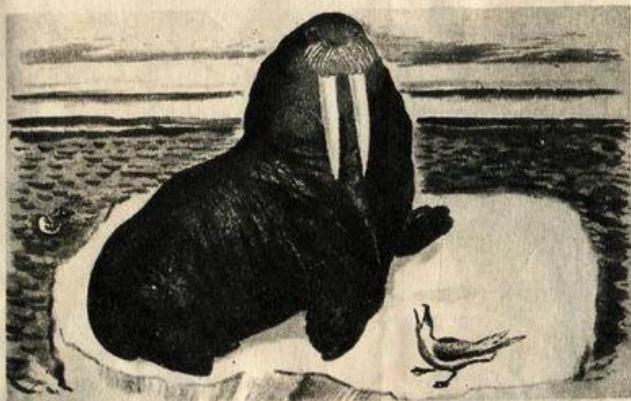

Кенгуру — на животе у нее сумка вроде кармана. В сумке детеныши сидят, выглядывают.

Африканские прыгунчики. — Ну и зверьки! Будто одна голова на ножках. Живут прыгунчики в пустыне, разных насекомых ловят.

14

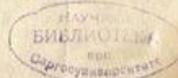
Морж — громадный, тяжелый зверь. У него два клыка вниз торчат. Клыками он и дерется и за льдины цепляется, когда из воды вылезает.

Енот-полоскун — самый чистоплотный зверек. Сначала всю еду выполощет в воде, а потом ест.

15

234912

Список использованной литературы

758365

Гроденский, Гр. Е. Чарушин : критико-биографический очерк / Гр. Гроденский ; Дом детской книги Детгиза, Ленинградский филиал. – Ленинград : Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1962. – 46, [2] с. : ил. – Библиогр. : с. 44-46. – Изображение. Текст : непосредственные.

A21684

Петров, В. Евгений Чарушин / Всеволод Петров. – [Москва] : Советский художник, [1967]. – [20] с. : ил. – Изображение. Текст : непосредственные.

A481811

Кузнецов, Э. Звери и птицы Евгения Чарушина / Э. Кузнецов. – Москва : Советский художник, 1983. – 159, [1] с. : ил., фот. – Библиогр. : с. 153-154. – Изображение. Текст : непосредственные.

*За представленными на выставке изданиями приглашаем
в Зональную научную библиотеку имени В. А. Артисевич СГУ
(ул. Университетская, 42)*

